

Сергей Тамбовский

Шпана

Сергей Тамбовский

Шпана

«Автор»

2024

Тамбовский С.

Шпана / С. Тамбовский — «Автор», 2024

Попаданец в конец XIX века на самое дно общества — в беспризорника-оборванца на Нижегородской ярмарке. Пытается вскарабкаться вверх по лестнице, ведущей вниз.

© Тамбовский С., 2024

© Автор, 2024

Сергей Тамбовский

Шпана

– Санька, Санька! – слышу писклявый голосок откуда-то справа, – ты, Санька, только не умирай! Что ж я без тебя делать-то буду?!

Медленно поворачиваю налившуюся чугуном голову направо и вижу мелкого пацанчика лет 10-12 в странной и нелепой одежде, какой-то балахон у него, подвязанный поясом в районе талии, на ногах тоже не пойми что... лапти что ли?

– Ну слава те господи, ожил, – обрадовался моему движению пацанчик, – как ты молодня-то шибанула, я уж думал всё, концы тебе пришли, весь синий стал. Ты давай, оклёмывайся скорее, нам надобно бы до ночи в ночлежку поспеть, а то закроют, мёрзны потом на дворе-то...

Поворачиваю голову налево – мы, похоже, лежим под какой-то лодкой, ребристый купол над головой, под задницей что-то твёрдое, похоже, что скамеечка лодочная.

– Ты кто? – спрашиваю я у мальчика.

– Брательник я твой, Лёха, – размазывая слёзы по щекам, говорит он, – шибко тебя долбануло-то, забыл всё...

– Где мы? – продолжаю тупить я.

– Да там же, где и вчерась, в Кунавине, – отвечает малец, – харч промышляем... сёдни плохой день был, пару луковиц да полкраюхи хлеба выручили.

– А год сейчас какой? – задал я наконец главный вопрос.

– Я в годах не шибко понимаю, – продолжил всхлипывать мой неожиданный родственник, – в ночлежку придём, там спросишь. Ты лучше вставай, нам через мост на ту сторону надо, а то его разведут скоро, его ж на ночь всегда разводят, вот тогда точно под этой лодкой всю ночь дрожать будем.

– А фамилия у нас какая? И мать с отцом где? – сделал я попытку приподняться, кажется это получилось.

– Потаповы мы, а родителей у нас год уже почитай, как нетути ни одного – тятка бурлаком был, в прошлом годе повели оне баржу в Ярославль, так он и не вернулся оттедова, казывали, утоп он где-то под Кинешмой, а как и почему, то неведомо. А матушка наша в прошлом месяце померла от хвори... ты ж её выхаживал долго, дохтура приводил, не помог только дохтур, немчура поганая, только деньги последние выщыганил – и этого не помнишь?

– Не помню, – угрюмо сказал я, выбираясь из-под лодки, – ну пойдём что ли в твою ночлежку... только там ведь деньги наверно платить надо?

– Не надо, – отозвался Лёха, – мы убираемся там раз в неделю в счёт этой платы – этого ты тоже не помнишь?

– Слушай, давай так, – придумал я выход, – считай, что я совсем ничего не помню после этой молоньи...

Это было очень близко от истины, я по-прежнему очень плохо врубался в ситуацию и почти ничего не понимал. Дело в том, что последнее моё воспоминание перед тем, как я увидел брата-Лёху, была рулёжка по ночному городу в 21 веке – я возвращался с вечерней смены домой примерно в половине двенадцатого, накрапывал мелкий и занудный дождичек, разогнавший с дорог остатки автомобилей, мокрых пешеходов и даже женщин с пониженной социальной ответственностью. Одолея почти весь проспект Ленина и огибал кольцо на Пролетарке, когда переднее колеса моей Джетты влетело в неожиданную яму... вчера ещё тут всё ровно было, а теперь вот... и совсем последнее, что я запомнил, так это как машина переворачивается, а горизонт резко наклоняется влево... потом лодка и Лёха... Да уж, занесла меня нелёгкая – это ж конец 19 века или самое начало 20-го, а город, судя по всему, тот же самый, Нижний

Новгород, а идём мы с Лёхой сейчас по территории Нижегородской ярмарки, коя тут каждое лето открывается, в Кунавинской слободе... а мост, на который меня брательник ведёт, это один из двух плашкоутных мостов от Ярмарки на правый берег реки Оки, где и расположен собственно в этом времени город. Такие блин дела, граждане присяжные заседатели и приравненные к ним.

Лёха привёл меня на второй мостик, который ближе к Московскому железнодорожному вокзалу проходил, он начинался примерно от того места, где в будущем будет стоять монументальный памятник Ильичу высотой в 12 метров, а заканчивался на Благовещенской набережной, в будущем это будет Черниговская улица. Состоял мостик из двух частей, сначала до Гребнёвских песков, ну острова такого посреди Оки, а когда одолеешь лабиринт из амбаров и складов на этих песках, там вторая часть плашкоута была. А основной-то мост был куда как более основательным, и по нему даже ходил электрический трамвай.

– А мы ж ведь жили где-то, ну до того, как матушка померла? – задал я ещё один вопрос Лёхе, – чеж мы не там живём, а в ночлежке?

Лёха огорчённо вздохнул, отпрыгнул от маневрового паровозика, который прикатил от Московского вокзала пару вагонов с товаром для разгрузки, и ответил:

– Была у нас хата, вон там, в Благовещенской слободе, мы мимо неё сейчас пойдём, но нас оттедова целовальник Спиридон выгнал взашей, за долги хату забрал... мы ж ему задолжали сильно, когда матушку пытались вылечить...

Вот же сука, подумал я, двух малолеток на улицу вышвырнул и даже не почесался... ну хорошо, ты Спиридонушка, занимаешь теперь место номер один в списке моих личных врагов. Обогнули пару жестяных резервуаров.

– А это что такое? – спросил между делом у брата.

– Аааа, – удивился он моему вопросу, – здесь кажись масло держат, этот... Шнобель какой-то кажись этими делами ведает.

– Может Нобель? – уточнил я.

– Может и так... – нехотя согласился Лёха.

И тут, когда мы уже почти вышли ко второй очереди плашкоутного моста, из-за очередного покосившегося барака нам навстречу вышли двое парнишек гораздо старше нас, вид у них при этом был самый, что ни на есть разбойниче-бандитский.

– Ша, сосунки, – сказал старший из них, – опять вы по моему участку ползаете?

– Ничо мы не ползаем, – попытался возразить Лёха, – просто по мостику хотим на ту сторону пройти.

– Я ж говорил тебе... и тебе тоже, – он показал пальцем по очереди на меня и на Лёху, – чтоб духу вашего тут больше не было. Говорил?

– Ну говорил... – ответил брат. – Только забыл я всё, а брата сегодня молонья ударила, он совсем не помнит ничего.

А мне Лёха шепнул: Это Ванька Чижик, он здесь шишку держит на Гребнях.

– Ну если молонья, то ладно, живите пока, – смилостивился Чижик, – только карманы выверните, чего у вас там...

Лёха с готовностью показал, что в карманах у него пусто, у меня же там неожиданно обнаружили две упомянутые недавно луковицы и кусок хлеба.

– Так, половина моя, – твёрдо сказал Чижик, после чего забрал одну луковицу и неровно отломал половинку краяхи, – за то, что ослушались моих слов, петухи.

После этого он выдал по подзатыльнику нам обоим и ушёл обратно за край покосившегося барака. Ты, сука, будешь номером два в моём чёрном списке, вот оклемаюсь, сразу забаню, подумал с ненавистью я, когда мы уже прыгали по неровному деревянному настилу моста, укорачиваясь от проезжающих в обе стороны пролёток, телег и двуколок. А за петуха

ты мне отдельно ответишь, гнида. И ещё дополнительно подумал, что влип ты, Санька, чисто, конкретно и основательно, теперь вот обосновывайся в новом теле и новом времени и на самой нижней социальной ступеньке тутошнего общества, да.

Перебрались на правый берег, на эту... Благовещенскую слободу, да, в будущие времена она будет называться улицей Черниговской. Здесь живут в основном купчики средней руки, богатеи типа Бугрова, Башкирова, Блинова или Рукавишникова предпочитают Рождественку или вообще верхнюю часть города, пронеслись в моём мозгу обрывки сведений, почерпнутых из краеведческой литературы.

– А что это вон там справа? – показал я на высоченные элеваторы на берегу Оки, – и причал там у них свой вроде...

– Ааа, – отозвался Лёха, – это мельница Башкирова, богатеющий купец, миллионами ворочает.

– Чего бы нам к нему на работу не наняться? – выдавил я ослепительную мысль на поверхность, – глядишь, тоже разбогатели бы.

– Ну ты точно серьёзно приложило молоньей-то – ты чо, братан, с дуба что ли рухнул? Или опыт работы мельничной какой-то есть? К нему, чтоб на работу наняться, очередь стоит от самой Скобы, там простые работяги по целковому в день зашибают, а у мастеров так и до червонца доходит.

Я мысленно попытался прикинуть масштаб здешних цен и не смог, поэтому попросил совета у брата:

– Слышь, Лёха, ты это... не сердчай, но я и про нынешние цены ничего не понимаю – на рупь что сейчас купить можно?

Брат уже ничему не удивился, а просто деловито перечислил, что сейчас можно купить на рубль – 30 батонов ржаного хлеба или 20 пшеничного, 10 фунтов сахара кускового, фунт кофе или чая, 7 литров молока или 3-4 средних размеров речные рыбы. Ну или две бутылки водки, если её нам продадут.

– Да, немало, – согласился я. – А в ночлежке сколько за ночь берут?

– Две копейки, по-божески, только у нас и этих копеек нету.

– А хорошие условия у Башкирова-то, надо будет запомнить, – сказал сам себе я, не ожидая никакого ответа, его и не последовало.

Мы тем временем одолели расстояние до второго плашкоутного моста и перед нами, трезвоня во всю мочь, развернулся и ушёл вдаль электрический трамвайчик, внутри него и сверху (он двухэтажный был) сидело с десяток гордых собой пассажиров, один презрительно посмотрел на нас с Лёхой и сплюнул на пыльную мостовую.

– Чой-то он? – спросил я брата, – плюётся, гад.

– Эх, Санька, если б только плевали, горя бы у нас не было, – в сердцах ответил он, – а так-то и по мордасам выписать могут.

– А это ещё чо? – указал я на одноэтажное здание с трубой, за которой было устроено что-то вроде фуникулёрчика, как раз вагончик начал подниматься по склону, а навстречу ему спускался такой же.

– Аааа, – отозвался Лёха, – электрическая станция, а за ней новая игрушка, к выставке устроили для богатеев – если лень на гору топать, значит, можно сесть в такой вагончик и подняться за две минуты. Стоит пятак.

– Немало, – согласился я, – но мы, может, съездим на нём как-нито... когда лучшие времена настанут.

– И ещё такой же рядом с нашей ночлежкой, к Кремлю подымается, щас сам увидишь.

И мы поплелись далее по улице Рождественской, шлёпая своими лаптями по булыжной мостовой. Слева и справа были сплошные лавки, продававшие всё, что можно было найти в мире в этом времени, от китайского шёлка и фарфора до голландских часов и испанского кофе.

Приказчики из этих лавок вообще-то предназначались в основном для того, чтобы затаскивать туда проходящих мимо покупателей, но в нас с Лёхой они естественно покупателей не видели, а видели обычных малолетних попрошаек, поэтому нас они никуда не затаскивали, а наоборот, грубо отталкивали подольше, если мы вдруг оказывались в пределах их досягаемости. Пару раз от их грубых толчков даже пришлось проехаться носом по мостовой...

– А вот и Скоба! – обрадовано сказал брат, – почти пришли, два шага осталось.

И мы пересекли мостовую Зеленского съезда, подойдя вплотную к трёхэтажному зданию из красного кирпича, на коем красовалась надпись «Ночлежный Домъ Николая Бугрова», а с боков ещё две – «Песень не петь» и «Вести себя тихо». Охренеть можно.

– А за домом вон смотри, такой же вагончик, как перед мостом, он в Кремль людей подымает, – дёрнул меня за рукав Лёха, – я тебе про него говорил. Ну пойдём что ли на ночь устраиваться, нам вон туда, в чёрный ход.

И он повёл меня кругом здания, в заросли больших лопухов и репейников. По дороге я поинтересовался у него:

– А Николай Бугров это кто?

– Да ты чо, – обиделся он, – это ж наш благодетель, купец богатеющий, аж жуть. У него мельница на реке...

– Постой-постой, – остановил я его, – ты же только что говорил, что мельница у Башкирова.

– Это на правом берегу у Башкирова, а на левом, аккурат напротив – у Бугрова, она ещё больше и там ещё лучше платят. А вдобавок он вот о бедняках и бездомных заботится, вишь, какой дом для нас отгрохал.

– Раз он такой заботливый, мог бы и бесплатно людей пускать, – попытался возразить я.

– Э, не скажи, – рассудительно ответил Лёха, – бесплатное люди не ценят, разнесли бы тут всё по брёвнышку или пуще того сожгли бы, одни головешки чтоб остались. А если копеечка уплочена, всё какая-то ответственность появляется.

– Слушай, Лёха, – неожиданно вспомнил я, – а ведь для таких, как мы, щас наверно специальные заведения есть, у монахов например.

– Мудрёными ты какими-то словами заговорил... – задумчиво посмотрел на меня Лёха, – но я тебя понял – точняком есть такие места, монахи и монахини и кров дают, и еду, но они же взамен требуют, чтоб поклоны били чуть не круглые сутки, да молитвы читали, да в церкви часами отстаивали... да и не отпускают никуда оттуда, взаперти держат, это уже не ночлежка, а цельная тюрьма выходит... не, я на такое не согласный.

– Всё, заходим, – продолжил тем временем брат, когда мы добрались до чёрного хода, – только ты вот что... если уж ты позабыл всё, так я напомним, что вести себя тут надо смирно и не перечить никому, ладно? Смотри на меня и делай так же, а то вытурят нас на улицу, как в прошлый раз, чо делать-то будем?

Я молча кивнул и мы вошли внутрь – там за стойкой стоял типа вахтёр... мужичок средних лет в красной блестящей рубаше и серых грязных портках, а волосы у него были гладко зачёсаны назад и по-моему намазаны маслом, лоснились они в свете, пробивающемся с улицы через пыльное и давно немытое окно.

– Явились-не запылились, ханурики, – с отвращением сказал он нам обоим сразу, – ладно, что уложились в срок, за десять минут до отбоя (и он со значение вытащил из кармана и посмотрел на часы-луковицу). А то бы не пустил. Валите...

Мы молча проследовали деле по коридору, но тут в спину нам раздалось:

– Эй, тормози... тут вот какое дело – страшОй сегодня распорядился вас отчислить от работ с завтрава...

– То ишь как отчислить? – запричитал Лёшка, – а ночёвка как же?

– А так, плати две копейки и ночуй, а работу вашу другим передают, нету больше у вас здесь работы, ребяташки.

– За что, дядь Петя? – плаксиво вопрошал брат, я же, как и было велено, молчал и пытался въехать в суть дела, – мы ж всё исправно делали.

– Не моё это дело, – угрюмо продолжил вахтёр, – старшОй распорядился и точка... могу токмо добавить, что чем-то вы ему насолили, а чем, неведомо...

Я дёрнул брата за рукав, мол, пойдём, бесполезняк тут с этим болваном лясы точить, и он меня понял, развернулся и пошёл, опустив голову и плечи. Через два поворота мы спустились по лестнице вниз, тут-то, в подвале и было наше пристанище... ну ночлежка и ночлежка, я в принципе был ко всему готов, вспоминая школьный курс литературы и пьесу Алексей Максимыча «На дне», но действительность таки превзошла мои ожидания. Нары тут даже не в три этаже были, а четыре, проходы между ними полметра, не больше, вдвоём не протиснешься, садиться одному надо, темень, немного разбавляемая светом от двух зарешёченных окошек в разных углах помещения. Ну и запах... сами можете нафантазировать, что там за запах витал. Народу, по моим скромным прикидкам, тут чалилось явно больше двух сотен.

Прикинул в уме, сколько же имеет благодетель Бугров за каждую ночь и подумал, что ни хрена же он не благодетель, а жлобьяра и скупердяй, за такие деньги мог бы хоть минимум комфорта обеспечить.

– Вон там наши места, – сказал мне Лёха, – на верхних нарах, залезай, пока Пахом не пришёл.

Я без лишних слов полез наверх, не сказать, чтобы эта процедура была очень тяжёлой, но и простой её назвать язык не поворачивался – попробуйте сами по шатающимся и разъезжающимся в разные стороны доскам забраться на четырёхметровую высоту. Подождал там брата, потом задал вопрос, крутившийся у меня на языке:

– А чего нам этого Пахома-то бояться? Он такой страшный что ли?

– Вот придёт, сам увидишь, – угрюмо ответил он, – а теперь давай съедим, что принесли, а то и это отберут.

– А чой-то народу как мало? – спросил я, – кроме нас на этой верхней полке никого...

– Потому что самые козырные места внизу, а наверх разную шелупонь отправляют.

– Понятно, – ответил я и начал делить еду, стараясь, чтобы Лёшке досталось побольше.

Он этот момент заметил и угрюмо отломил от своей половины краюхи кусочек, чтобы было поровну, и протянул этот кусочек мне. А я не стал выкобениваться и взял, потому что головокружения от давешнего катаклизма у меня уже прошли и страшно захотелось есть. Проглотил всё, не успел заметить как.

– А вот и Пахом, – тихо сказал Лёха, выглянув вниз, – прячься.

Но видимо сказал он это поздно, потому что Пахом, ражий и весь обросший каким-то мхом мужик ростом под два метра, вытащил за шкуру сверху сначала меня, а потом и Лёшку. Поставил на землю и радостно спросил:

– Ну шо, щеночки, попались?

Мы ничего не отвечали, соседи же косились на Пахома и его забавы вполглаза и никаких действий не предпринимали, из чего я сделал вывод, что им или всё по барабану или Пахом тут большая шишка и ему никто перечить не смеет.

– Ну давай, попляши, а я посмотрю, – это он мне сказал.

Я тихо спросил Лёху, что, точно плясать надо? А он так же тихо ответил, что надо, ты ж умеешь, а то он не отстанет. Я тогда пожал плечами и выдал верхний брейк – когда-то давно, в 80-е следующего века, я был звездой дискотек в этом виде танцевального искусства. Пахом смотрел на меня с отвисшей челюстью, а потом и соседи присоединились к нему.

– Эт чо? – справился наконец с филологическим ступором Пахом.

– Эт китайский народный танец, брейк называется – ответил ему я, – могу еще украинский народный, надо?

– Ну валяй, – милостиво разрешил он.

Ну я и выдал ему гопак с подпрыгиваниями, переворотами и боевыми ударами обеими ногами.

– Эт я знаю, видел намедни, – сказал один из подтянувшихся зрителей, – эт хохлы так пляшут, когда горилки перепьют.

– Ладно, уважил ты меня, – благосклонно сказал Пахом, – сѣдни не буду вас пороть, идите себе, – и он отпустил нас мановением руки.

Мы с Лѣхой ждать не стали и тут же оказались на верхнем ярусе, я же определил тупого Пахома в личный чѣрный список под номером три.

– Ну ты дал, – горячо зашептал мне на ухо брат, – гдей-то ты так наострился?

– Не помню, – стандартно ответил я, – ты мне лучше вот что скажи, он каждый вечер так над нами измывается?

– А то, кажинный день всё одно и то же, – шмыгнув носом, ответил брат.

– Ну и чо мы тогда тут забыли в этой ночлежке? – спросил я, – валить надо отседова, и чем скорее, тем лучше.

– Легко сказать валить, а куда? Если знаешь, скажи, но на улице я ночевать не хочу, закоченеешь там мигом.

– Нас всё же равно отсюда выгоняют, – пояснил я, – так что завтра будем определяться и с местом, и с заработками, и со всем остальным. Куда идти и чо делать, я пока не знаю, но, как говорят умные люди, утро вечера мудренее.

– Ну ты хоть намекни, чо мы делать-то должны, – канючил брат, и тогда я сдался.

– Оружие надо достать, тогда у нас всё будет, и крыша над головой, и еда, и одежда, её вот в первую очередь сменить надо, а то ходим оборванцами последними.

– Так мы и есть оборванцы, – заметил брат.

– Надо это дело прекращать, оборванчество наше. В люди надо выходить, вот чо... тогда и Пахомы разные сразу в стороны отпрыгнут. Надо только придумать, где раздобыть это оружие...

– Я знаю, где его раздобыть, – свистящим шѣпотом сказал вдруг брат.

– Да иди ты... врѣшь ведь.

– Ей-богу не вру, ты тоже должен это помнить, мы там вместе же лазили, но раз ты ничо не помнишь, слушай, – и он опять же на ухо поведал мне длинную и занимательную историю, я аж заслушался.

—

А назавтра мы с раннего утра покинули стены негостеприимного ночлежного дома имени Николая Бугрова, надеюсь навсегда, и подались по ещѣ не проснувшейся улице Рождественской назад к Благовещенской слободе. Именно здесь по уверению Лѣхи и таился заброшенный склад оружия, который мы с ним открыли прошлым летом.

– Там, понимаешь, на склоне Дятловых гор, ну за монастырѣм этим, как его... за Благовещенским, пещера-не пещера, подземный ход ли, дыра, короче говоря, в земле, прикрытая сверху мусором разным, а в пещере этой, ну если пройдѣшь подальше, за тремя поворотами, большая такая комната будет, со столом и с полками. Вот на этих полках и лежит ящик с ливольвертами, ага...

– С револьверами, – автоматически поправил его я, – а они какие на вид-то были, не ржавые? Мож из них и стрелять-то не выйдет?

– Нормальные ливольверты были, все в смазке, – скупо отвечал брат.

– А сколько их там было, не помнишь?

– Точно, что не один, а сколько уж всего, не считал.

– Да, а как же мы там увидим что-нибудь, под землёй-то? – спохватился я где-то на середине пути. – Фонарик же надо или свечку хотя бы.

– По дороге зайдем в Строгановскую церковь, стащим пару свечек, а спички у меня есть, – и он вытащил из кармана коробок и потряс им, спички застучали. – Ты мне лучше расскажи, что мы будем делать с этими ливольвертами? И ещё – стрелять-то ты из них сумеешь? Железка сложная.

– Если там ещё и патроны будут, тогда да, сумею – были там патроны, не помнишь?

– Кажись были такие...

– А что мы с оружием делать будем... вот если найдём и оно исправное окажется, тогда расскажу, а пока рано.

С горем пополам доковыляли мы до Благовещенки, с заходом по дороге в церковь – там страху натерпелись, дьякон на нас очень подозрительно глядел, хотя мы честно крестились без перерыва, минут десять прошло, пока он утерял бдительность, и мы мгновенно смылись с парой свечек в карманах... Господь Бог простит, надеюсь.

А мы тем временем миновали первый плашкоутный мост, его уже свели после ночного развода, судов, лодок и барж разного размера в Оке была пропасть, ну ещё бы, Нижегородская ярмарка в полном разгаре, а это на минуточку сейчас крупнейшая торговая площадка Европы, а может и всего мира. В 21 веке что-то похожее есть разве что в Сингапуре, Роттердаме да в Гамбурге. А вот и Благовещенский монастырь в полугоре стоит, и не на берегу, но и не на верхнем ярусе Дятловых гор, кто его так задумал, загадка.

Нам надо было, если верить лёшкиным байкам, зайти за него, и там, сзади, она-то и должна быть, пещера с сокровищами. Перебрались через Похвалинский съезд, благо это сейчас несложно, никаких светофоров и ходит по нему две телеги в час, и поднялись чуть вверх.

– Сюда, – сказал Лёха, показывая рукой, куда именно.

– Что-то не верится мне во всё это, братуха, – честно ответил я ему, – ну кто в наши тяжёлые времена тут будет оружие бросать. Оно же серьёзных денег стоит.

– А сколько такой ливольверт сейчас стоит? – уточнил он.

– Во-первых не ливольверт, а револьвер, учись правильно говорить, пригодится, а во-вторых... ну рублей 20-25, не меньше. Особенно если с патронами. Так что в том ящике на сотенную железа лежит, это самое малое.

– Так может загоним их, ре-воль-веры эти, – с трудом произнёс он по слогам трудное слово, – и заживём... на сотенную мы цельный год безбедно жить сможем.

– Давай сначала найдём, что ты там говоришь, а уж потом будем делить шкуру неубитого медведя.

– Кажись здесь, – неуверенно сказал брат, остановившись около большой кучи мусора в самом конце монастыря, справа была Надвратная церковь, если я не ошибаюсь, и крутой спуск к набережной, а слева ничего, кроме вековых дубов и вот этой мусорной кучи. Народу здесь вообще никого не было, некуда тут ходить – кому надо в Благовещенскую слободу с Нижнего базара, идут прямо вдоль реки, а если сверху, то дальше более удобный спуск есть с Гребешка.

– Нам чо, раскапывать это дерьмо надо? – спросил я.

– Ты погоди, тут сбоку уже раскопано было... мы же и раскопали в прошлом году.

– А чего нас сюда понесло, не помнишь? Сложно подумать, что здесь что-то полезное может скрываться, – это я говорил, с отвращением обозревая гору отходов.

В 19 веке ведь мусор совсем не такой, как в 21-м, нет ни пластика, ни бумаги, ни полиэтилена, всё экологически чистое, но менее вонючим и мерзким оно от этого факта не стало. Надо раскапывать, раз пришли. Я вооружился здоровенным сучком с раздвоенным концом, Лёха взял что-то похожее, начали с двух сторон одновременно. Через десять примерно минут работы открылось что-то вроде лаза, уходящего вглубь горы.

– Это оно самое? – спросил я.

– А я знаю? – огрызнулся Лёха, – мож оно, мож и не оно, щас проверим.

Он бросил свой сучок и начал руками отгребать последние килограммы мусора от входа, я ему тут же помог.

– Хватит, можно протиснуться, – сказал Лёха и первым полез в подземный ход.

– Свечку-то забыл, – напомнил я ему, – без свечки мы там ничо не увидим.

– Да не забыл я, – обернулся он ко мне, а в руке его уже горела маленькая церковная свечечка, – на полчаса хватит, должны обернуться.

Я послушно полез вслед за ним – стены у этого лаза были земляные, а вот потолок укреплен брёвнами, подпиралось это дело примерно через каждые пять метров столбами с обеих сторон. Воды на полу не было, с потолка тоже не капало, и это очень хорошо.

– Слышь, брателло, – сказал я в спину Лёхе, – а ты не боишься, что оно вдруг всё обвалится и нас тут заживо похоронит?

– Бог не выдаст, свинья не съест, – отвечал он, – авось не обвалится... но и задерживаться здесь конечно не след, возьмём товар и сразу обратно.

За очередным поворотом показалось большое пространство, потолок резко ушёл вверх, стены раздвинулись.

– Вот! – обрадованно заорал Лёшка, – что я говорил – вон стол стоит, а сбоку полки. А это тот самый ящик, – и он открыл крышку деревянного плоского ящика.

Я заглянул внутрь... конечно по дореволюционному оружию спец я никакой, но по моему это были наганы. Все в заводской смазке, они довольно ярко поблёскивали в свете лёхиной свечечки. И было их тут не четыре, а все пять штук, патроны в соседнем ящике лежали, в коробках по 20 штук.

– Значит так, Алексей, – перешёл я на официальный тон, – забираем два нагана и две пачки патронов и делаем ноги отсюда.

– А куда ж мы их положим-то? – задумался он.

– Что бы ты без меня делал? – спросил я, доставая из кармана свёрнутую в несколько раз холщовую сумку.

– А проверять где и когда будем? – продолжил допытываться брат.

– Не здесь и не сейчас – свезло один раз, второй может и не получиться, грех испытывать терпение у удачи.

И мы вылезли на свет божий тем же самым путём. Лёшка дёрнулся сразу бежать, но я поймал его за руку.

– Стой, надо бы закидать тут всё, как было. Мало ли как дела обернутся – может пригодиться потом.

Закидали мусор в дыру, полностью закрыв её от лишних глаз.

– Вот теперь идём, только не бегом... и не туда, нам к мельнице.

– А зачем нам к мельнице? – недоумённо спросил Лёха.

– Затем, что за ней дальше по берегу глухие места, проверим, как пистолеты работают.

– А потом что? – продолжил расспросы он.

– Потом суп с котом сварим. Шутка... видно будет, что потом... крышу над головой надо бы найти первым делом.

Благовещенская слобода, несмотря на раннее утро, уже кишела народом самого разного толка – от таких же оборванцев, как и мы с братом, до приличного вида купцов и приказчиков. Все суетились и орали одновременно, создавая непередаваемую обстановку работающей ярмарки. Большинство грузило товар на лодки и баржи, ну или разгружало его на берег. Товар был самым разнообразным, от китайского шёлка до рыбы, пеньки и дёгтя. Ну а низшие слои общества глазели на всё это в надежде урвать себе оброненный кусок или что их вдруг наймут на разовую подработку.

Мы продрались через всю эту толчею за полчаса, не меньше. Я при этом со всех сил одной рукой прижимал к груди сумку с оружием, чтоб не вырвали, а другой рукой волок за собой брата, чтобы тот не засмотрелся по сторонам и не потерялся.

За мельницей суэта сразу закончилась, и потянулся лес между высоким берегом и рекой, с вкраплениями кое-где криво и косо поставленных домушек. Один страшнее другого.

– Слушай, Лёх, – спросил я брата, – а тут вот кто живёт? В этих домушках?

– Голь перекатная, по десятку человек в доме... а некоторые совсем заброшенные стоят – мы же здесь в детстве всё облазили... ааа, ну да, ты ж ничего не помнишь...

– Может и мы здесь перекантуемся пока? До лучших времён, а?

– Народец тут больно лихой... до утра можно не дожить.

Прошли ещё с километр, тут начинались совсем уже дикие заросли, и народу не было видно никого, я решил, что хватит, дальше не пойдём.

– Вон там овраг уходит в склон, там и попробуем нашу амуницию. Только почистить бы его надо от смазки – тряпочка какая ненужная есть? – спросил я брата.

Тот молча оторвал от подкладки своей поддёвки небольшую полоску ткани:

– Хватит?

– Должно хватить, – не очень уверенно сказал я, уселся на пенёк и начал очищать металлические части пистолета. – Еще бы что-то типа шомпола, чтобы в ствол залезть.

У брата нашлось и это, как ни странно, откуда-то из лаптей он вытащил деревянную ложку с тонкой и длинной ручкой.

– Самое то, что надо, – похвалил его я, – откуда у тебя ложка-то? Сам делал?

– Да не, я ж не умею, из отцовского дома захватил... у тебя тоже такая была, но ты её где-то посеял.

– Готово, – сказал я, закончив работу, – теперь надо зарядить... чёрт, как у него барабан-то откидывается... а, вот, нашёл.

Выщелкнул из коробки семь патронов и по очереди запихнул их в гнёзда барабана, потом лихо защёлкнул его и покрутил пистолет на пальце.

– Ну чо, куда стрелять будем? – спросил я, придав себе лихой вид... на самом-то деле все мои познания в различных видах оружия ограничивались двухмесячной стажировкой после окончания института, да офицерскими курсами раз в два года в последующем. И стрелял я там исключительно из АКМа и Макарова в общей сложности раз двадцать... ну может двадцать пять. Так что ни в чём абсолютно я уверен не был, но счёл нужным излучать уверенность, дабы не смущать младших по званию.

– Вон в тот дуб давай, – показал Лёха, – у него ствол толстый, не промахнешься, поди.

– Да пожалуйста, – пожал плечами я, взвёл курок и нацелился на тот самый дуб.

Выстрел был довольно громким, но не сказать, чтоб оглушительным, уши не заложило. Лёшка кинулся к дубу и обнаружил в нем дырку, не по центру, но и не совсем с краю.

– Ух ты, работает! – воскликнул он, – а мне дашь пальнуть?

– Да пожалуйста, – снова пожал плечами я, – вот этот крючок отводишь назад большим пальцем, потом целишься, чтобы мушка совпала с тем местом, куда ты хочешь попасть, потом жмёшь вот сюда. Вот и вся наука.

Лёха выцеливал наверно целую минуту, водя рукой в разные стороны.

– Можешь кстати второй рукой снизу придерживать, – и я показал ему, как стреляют в американском кино, – некоторым так проще.

Он попробовал и двумя руками, но сказал, что одной ему удобнее, и наконец, выстрелил. Пуля вошла почти что рядом с моей.

– Можно ещё раз? – спросил он с горящими глазами.

– Харэ, – отрезал я, – патроны надо экономить, – и отобрал у него оружие.

– Ну а теперь давай рассказывай, что мы далее делать будем, – спросил расстроенный брат, – обещал же. А то есть уже хочется, сил нет.

Если честно, есть и мне тоже очень хотелось, со вчерашнего дня я, кроме половинки луковицы и полкраухи, ничего в рот не брал. Но будем всё-таки действовать по плану.

– Сейчас идём на Гребни, поговорим с этим твоим смотрящим... Чижиком что ли? Заодно и еды добудем. А потом вернёмся и будем присматривать жильё, такой у меня вот план.

– Я что-то никак в толк не возьму, – ответил брат, – ну поговоришь ты с Чижиком, ну даст он тебе подзатыльник или чего похуже, а дальше-то что?

– Вот с этим, – я потряс револьвером, – не даст. Кстати бери второй, засунуть его надо вот сюда, – и я показал, как правильно его расположить за поясом сзади, – курок взводи только перед выстрелом и целясь в ноги, ни в коем случае не выше, а то потом хлопот не оберёшься. И вытаскивай его только по моей команде, не раньше. Всё ясно?

Брату было всё ясно, и мы потопали по досчатому настилу второго моста на остров, называющийся в народе Гребнёвские пески... почему пески, понятно, но почему они Гребнёвские и при чём тут гребни, я хоть убей, никогда не знал. Народ всё прибывал и прибывал, временами приходилось проталкиваться вперёд через довольно плотную толпу. Я шепнул Лёшке, чтобы следил за пистолетом, а то вытащат, не дай Бог, он понял и одну руку начал держать за спиной... молодец.

Ваньку Чижика мы довольно долго искали, странствуя между сараями, лабазами и железными баками, ими был застроен весь этот остров, имеющий в длину полный километр. Нашёлся он через час почти наших поисков – сидел в окружении таких же оборванцев, как он сам и как мы, и раздавал замусоленные карты с едва различимыми на них дамами и валетами.

– О, – обрадовался он, увидев нас, – шас кто-то получит по шее – опять вы по моей территории ползаете, засранцы?

– Сам ты засранец, – смело сказал я, – и шас ты получишь по шее, а не мы, понял?

Чижик аж задохнулся от возмущения, потом совладал наконец с собой и сделал широкий шаг в нашу сторону со словами “ах ты так, да я тебя!», но я вовремя вытащил из-за пояса наган.

– Ты погоди, Чижик, посмотри лучше, что у меня есть, – и я покрутил наган картинным жестом на пальце правой руки. – Чо, не нравится? Тут семь пуль, хочешь одну получить? Так я сразу выпишу, не сомневайся.

Чижик притормозил, и по лицу его было понятно, что он сейчас усиленно соображает, что к чему. Все его соображалки наконец-то вылились в такие слова:

– Да ты гонишь, чмо, нашёл где-то пугач и пришёл меня пугать им! Он у тя ваще без пуль наверно!

– Хочешь проверить? – абсолютно хладнокровно спросил я, – ну смотри.

И я взвёл курок и пальнул в сторону железного бака, который стоял тут справа неподалёку. Звук был достаточно громкий, чтобы понять, что всё это работает, и вдобавок к нему присовокупился визг рикошета пули от железа.

– Следующая пуля твоя, – заверил я Чижика, – убивать я тя не стану, не за что пока, но в ногу всажу точно. Можешь выбрать в какую – в правую или в левую.

Чижик явно испугался и выпендриваться перестал.

– Слы, ты, я ухожу, но мы ещё встретимся.

– Стоять, – ответил я, – мы ещё не закончили. Теперь Гребни моя территория – увижу тя здесь, замочу, понял? А теперь иди... точнее беги.

И Чижик припустился со всех ног.

– А к вам, пацаны, – обратился я к игрокам в карты, – у меня никаких вопросов нету. Кто хочет, может пойти со мной, у нас на том берегу жильё есть, – приврал я. – Кто не хочет, свободен, но сначала карманы выверните.

Пацаны посовещались и ко мне подошли двое, один назвался Петькой, другой Пашкой.

– О, да вы как два апостола, один Пётр, другой Павел. А вы чего? – спросил я у оставшихся троих.

Те угрюмо вывернули карманы – ничего особенно интересного там не обнаружилось, но половину всех съестных припасов я реквизировал.

– Да, если не все слышали, то Гребни с сегодняшнего дня мои, ходить вы тут можете, но попрошайничать или ещё чем промышлять, это нет. Увижу – побью. Свободны.

—

А мы вернулись через мост обратно на правый берег, а там прошли чуть направо, где утром лазили. Из того, что нам по дороге после мельницы встретилось, надо было найти бесхозный дом, найдём – отлично, а не найдём – будем выгонять постояльцев-хануриков, объяснял я по дороге брату.

– А как же мы их выгоним, они ж поди все здоровые и выше нас в два раза... – спросил Лёха.

А Петька добавил, что дома-то у нас, оказывается, нет никакого, а ты говорил...

– Не бойсь, Петруха, с оружием мы всё быстро сделаем, – ответил я.

Первые три попавшихся дома я забраковал, уж очень они непрезентабельными и перекошенными были, а вот четвёртый, немного в глубине оврага, уходящего куда-то на Ямские улицы, был более-менее, с целыми крышей, окнами и дверями.

– Вот этот пойдёт? – спросил я у Лёхи.

– Ничо так домушка, – авторитетно заявил он, – я б в такой пожил.

– Ну тогда пошли разбираться с хозяевами.

Хозяева, двое сумрачных мужиков очень высокого, как правильно заметил Лёха, роста, нас встретили весьма неприветливо, когда мы зашли внутрь, предварительно постучав.

– Чо надо? – сказал тот, что постарше, с длинной чёрной бородой.

Я без колебаний вытащил револьвер, направил его мужику в район между глаз и заявил, стараясь, чтоб мой голос звучал поувереннее... получилось это не очень, петуха дал, но уж как сумел.

– Надо, чтоб вы оба выметались отседова мигом и чтоб духу вашего здесь больше не было, ясно?

– Ты чо, малец, – ответил бородатый, изучая по очереди моё лицо, то пистолет в моей руке, – с глузду зыхал? Ты знаешь, кто мы?

– А мне пох, кто вы, даю полминуты, если после этого вы не свалите, пеняйте на себя, – нагло добавил я и пальнул в потолок для подтверждения серьёзности своих намерений.

Тут вступил в разговор второй постоялец, пониже и с маленькой рыжей бородой.

– Ты погоди беспредельничать-то, пацан, ты же щас на нас не по понятиям наезжаешь.

– А мне пох на ваши понятия, тут я буду свои понятия устанавливать, – ещё более нагло продолжил я, – время идёт, осталось пятнадцать секунд... следующий выстрел будет тебе в ногу, – это я конкретно рыжему уже сказал.

– Пойдём, Данила, – сказал вдруг первый, – ты ж видишь, он без мозгов совсем, может и пулю влупить.

Второй тоже встал и двинулся к двери, но на выходе обернулся и таки высказал, что у него там накопилось:

– Мы уйдём, но мы вернёмся ишшо, ты это запомни – и тогда ты пожалеешь, щенок.

– Да приходите хоть всей вашей кодлой, мне не жалко, – сказал я ему в спину и выкинул на улицу мешок, который кто-то из них забыл.

– Лихо, – сказал брат, глядя на меня во все глаза, – а ты не бойсья, что они вернуться, и не одни?

– Боюсь, брат, – честно признался ему я, – но на этот случай у меня хитрый план припасён, а какой, пока не скажу. Давайте заселяться и обживаться, – это я уже двум апостолам сказал.

Достали съестные припасы, которые мы реквизировали у чижиковой братии, разделили поровну и съели. Осталось немного, я сказал, что это на вечер. Тут высказался второй апостол, который Пашка:

– А не слишком нагло мы на этих мужиков наехали? Они ведь вернуться... и очень скоро... и не одни... чо тогда делать-то будем?

– Нормально всё, Павлуша, прорвёмся как-нито, – уверенно отвечал я ему, хотя в душе конечно совсем не был в этом уверен, – для начала давайте погоняла друг другу придумаем, мы ж теперь банда, а у бандитов завсегда кликухи имеются. Давай я буду Потап, Лёшка – просто Брат, а вы двумя Апостолами поработаете... Петька пусть первым Апостолом будет, а Пашка вторым, пойдёт?

Возражений не последовало, тогда я продолжил:

– А что делать будем? Вы двое сидите здесь и караульте дом, а мы с Лёхой сбегает на одно место и принесём кое-что для обороны от этих мужиков, если они вдруг и в самом деле вернуться.

И мы с братом припустились к нашей пещере с сокровищами. Никто мусорную кучу над входом не потревожил, освободили проход мы гораздо быстрее, чем в первый раз, и вот мы уже бредём по подземным коридорам к ящику с пистолетами.

– А ты как думаешь, – неожиданно спросил у меня брат, – откуда оно здесь взялось, это оружие?

– Я думаю, что бандиты какие-то сховали до лучших времён, а лучшие времена для них не настали – поубивали их, допустим, или в тюрьму пересажали. Я слышал, тут орудовала разбойничья шайка такого атамана Сулейки, знаменитая банда была, вот может они и спрятали.

– А если это разбойники были, то у них и награбленное добро должно иметься, – логично предположил Лёха, – вдруг они и золото с брильянтами где-то рядом закопали?

– Так давай проверим, чо, – согласился с ним я, – нам бы оно не помешало, хотя я лично сомневаюсь, что там что-то ещё есть.

Когда зашли в эту большую комнату, где стояли стол с полками, я первым делом осветил все углы – в одном крыса обнаружилась, большая и наглая, но она сразу спряталась в какую-то свою нору. На полках же ничего, кроме пыли и грязи, я больше не обнаружил. Но тут брат, у которого своя свечка была, заорал:

– Есть! Тут ишшо чтой-то есть!, – и он выволок на стол маленькую, но тяжёлую жестяную коробку. – Дай я открою?

– погоди, – остановил его я и на всякий случай исследовал коробку по периметру – это была упаковка монпансье, ну то есть из-под монпансье, вряд ли тут леденцы хранились.

Ничего подозрительного я не обнаружил и дал Лёшке команду открывать её. Он сначала пытался сделать это пальцами, потом ногтями, ничего у него не получалось, крышка прикипела намертво.

– Дай я теперь попробую, – и я отогнал брата в сторону и забрал коробку себе в руки.

Получилось не сразу конечно, но с третьей попытки крышка отскочила таки вверх и открылось содержимое коробки... а не было там ни золота, ни брильянтов, как я себе уже нафантазировал мысленно, одни бумажки там были, а на дне с десятков монет и крест, массивный, но увы, не золотой, а всего лишь серебряный.

– Ну чо, тоже неплохо, – утешил я брата, – крест с монетами загоним за неплохие деньги, а бумага тоже выкидывать не будем, вдруг там что-то полезное найдётся.

Револьверы, естественно, тоже все забрали, как и пять коробок с патронами, а больше ничего полезного, сколько мы ни искали, в этой комнате не нашлось. По дороге домой я подсчитал, сколько ж там монет нам обломилось и каких номиналов – всего в коробке оказалось восемь александровских серебряных рублей, все одного года выпуска, 1889-го, и двенадцать таких же полтинника, итого, как вы сами уже понимаете, четырнадцать полновесных российских целковых. Плюс крест...

– Лёшк, как думаешь, за сколько это крестик загнать можно будет? – спросил я у брата.

Тот взял его в руку, рассмотрел со всех сторон, взвесил зачем-то ещё раз, потом авторитетно заявил:

– За червонец, я думаю, не меньше... эх, заживём теперь так, что помирать не надо!

– Ты погоди, это только начало нашей хорошей жизни будет... да, апостолам про деньги ни слова – меньше знают, крепче спят, а то мало ли чего они надумают, когда эти богатства увидят.

– А про оружие?

– Так это ж для них, – сказал я, тряхнув холщовой сумкой с наганами, – щас учить их будем. Так что про оружие можешь говорить всё, что вздумается.

Апостолы сидели у окна, выходящего на реку с унылым видом, ожидая нас. Увидели – обрадовались, как я не знаю кому.

– Ша, пацаны, – сказал я, – идём в тот овраг учиться стрелять, а ты, Лёха, остаёшься здесь, сидеть на стремени. Если что, кричи громче.

Обучение прошло быстро и буднично – ничего сложного в этих наганах не было. Дал ребяташкам выстрелить по два раза, один промазал, правда, все разы, а второй нормально попал, почти по центру дуба.

– В людей-то не испугаетесь стрелять? – спросил я у них по дороге обратно.

– А чо такого? – ответно спросил Пашка, – подумаешь эка невидаль. Я запросто пальну.

– Стрелять только по моей команде, это раз, – начал я их инструктировать, – и только в ноги, это два. На крайняк в грудь, но это если сильно припрёт. В голову даже не пытайтесь, всё равно промажете.

Время между тем шло, а никто так и не заявлялся по наши души... а как хорошо известно – ничего не хуже, чем ждать и догонять. Мы уже и поужинали тем, что от обеда осталось, а ничего вокруг так и не произошло. Напряжение висело в воздухе практически так же, как электрическая дуга от этого... прибора, который нам на физике показывали в седьмом классе.

– Слышь, Санька, – робко сказал наконец один из апостолов.

– Потап, – поправил я его.

– Я и говорю – слышь, Потап, а если никто так и не придёт, чо тогда?

– Чо-чо, – передразнил я его (если честно, я и сам не знал, чо тогда, но надо ж держать умный вид), – спать ляжем, а один караулить останется. Я первый, часа через три брата разбужу, а вы уж под утро тогда выйдете (это апостолам). Караулить будем на чердаке, оттуда и видно, и слышно далеко. А мы с брательником сейчас пойдём местность разведаем, откуда тут пути отхода-подхода лучше.

И мы с Лёшкой сделали круг вокруг нашего домика...

– Оттедова они пойдут, чо тут думать, – обиженно сказал Лёха, показывая на главную просёлочную дорогу, проходившую вдоль реки, – они ж не казаки-пластуны какие, чтоб на карачках по зарослям ползать.

– Не скажи, братуха, – туманно ответил я ему, – в этом деле лучше перестраховаться, чем недостраховаться. Вполне могут и сверху со склона спуститься... да и вдоль склона проходимая вполне местность, так что от мельницы тоже может быть приступ.

– А коли никто не придёт? – задал логичный вопрос он.

– Тогда радоваться будем, чо...

– Но каждую же ночь не насидишься в дозоре, – продолжил брат, – так что лучше бы этот вопрос одним махом и навсегда решить.

– Тоже верно, – согласился с ним я, – но за этих мужиков мы действовать не сможем, так что остаётся только ждать.

А тем временем уже стемнело, апостолы улеглись спать вповалку на остатках какой-то овчины, доставшейся нам в наследство от выгнанных бомжей, Лёшка тут же пристроился, а я честно полез на чердак, лестница туда была внутри дома. Ну чердак как чердак, с земляным полом, пылью и запахом голубинового помёта, больше там ничего не было. Уселся у слухового окна на прихваченное с собой брёвнышко, пожалел, что не курю, и начал караулить. Через часик примерно спать захотелось страшно, тот, кто хоть раз нёс караульную службу, или, допустим, работал в третью смену в цеху, меня поймёт.

А снаружи, как назло, ничего не происходило. Если не считать обычных ночных звуков от птиц или ещё какой живности. Диким уже совершенно усилием воли дотерпел свои три часа до конца (если вы спросите, как я это определил без часов, то я отвечу, что по пульсу – у меня всю жизнь 60 ударов в минуту было) и спустился вниз будить Лёшку, тут-то всё и началось...

—

Коротко если, то нападающих было трое, к тем давешним мужикам, длинному и рыжему, присоединился ещё один, не пойми какой, маленький, но вёрткий. Вооружены они были дубинками – обломками брёвнышек по метру длиной каждая. Зашли со стороны оврага, но опыта бесшумного передвижения у них, конечное дело, никакого не было, поэтому шорох листьев и треск сучьев, на кои они наступали, я услышал задолго до того, как они до наших стен добрались.

Сразу разбудил апостолов и Лёху, они спросонку не сразу в ситуацию въехали, помогли лёгкие удары по ушам, рот правда им приходилось прикрывать, чтоб не заорали с перепугу. Выставил их всех по периметру, а брата на чердак отправил, ещё раз предупредил, что стрелять только по ногам, ну а сам самое опасное направление перекрыл – выход из овина (или как там оно называется, помещение для скота и птицы) на задний двор.

Когда увидел первую цель, один из них, рыжий кажется, промелькнул в проёме двери, выстрелил ему в район ног и проорал боевую команду для всех остальных «Вали их, пацаны!». После чего стрельба началась практически непрерывная... палили пацаны конечно отвратительно, только что отвлекающий фактор создавали, ну а я прицельно положил рыжего и вёрткого, они упали куда-то в высокую траву и громко начали ругаться оттуда. Тревожил меня третий чувак, неизвестно куда сгнувшийся с началом стычки.

– А ну прекратили стрельбу! – подал я вторую команду.

Не сразу, конечно, но довольно быстро наступила тишина, тогда я решил уточнить:

– У кого сколько патронов осталось?

– У меня два, – сказал первый апостол, а второй добавил, – а у меня ничо не осталось.

А брательник с чердака крикнул, что один у него всего. Я откинул барабан и проверил своё оружие – здесь целых две штуки еще сидели. Жить можно.

– Всем сидеть и не дёргаться, – подал я следующую команду, – там один хмырь где-то затаился.

А следующее предложение у меня было конкретно этому хмырю:

– Эй ты, выходи с поднятыми руками, поговорим – обещаю, что стрелять больше не будем.

Некоторое время было тихо, потом кусты зашуршали и оттуда появился этот третий типчик. С честно поднятыми руками. Приблизился ко мне на три примерно метра и сказал:

– Шустрые вы ребята, стреляете метко... тут надо б корешей моих обиходить, они кажись обои ранетые...

– Тебя как звать-то? – спросил я.

– Прохором, – ответил тот.

– Значит так, Прохор, давай без глупостей – один наш человек тебя на мушке держать будет, пока мы тех двоих обихаживать станем, понятно?

Прохору всё было понятно, и мы вдвоём пошли искать этих ранетых... ночь была лунная, видно, не сказать, чтоб всё вообще, но то, что надо, нормально просматривалось. У рыжего скользачком задело ляжку, ничего серьёзного, а у второго, который длинный, похуже дела казались, кость, правда, не задета, но пуля осталась в ноге.

– Значит так, – скомандовал я, – этого рыжего можешь забирать и валить отседова, а с длинным мы разберёмся.

– Как это вы с ним разберётесь? – поинтересовался Прохор.

– Пока замотаем рану, а утром дохтура приведу, он посмотрит.

– А деньги у тебя на дохтура есть?

– Наскребу немного по такому поводу, – хмуро сказал я, но в этот момент рыжий вдруг схватил свою дубинку, она рядом лежала, и со всей силы нанёс мне удар в голову, боковым ударом.

Реакция у меня, слава богу, хорошая, поэтому я успел пригнуться, но автоматически пальнул предпоследним патроном ему в грудь, а последний длинному послал, и тоже в грудь. Оба затихли и признаков жизни больше не подавали.

– Сами напросились, суки, – зло сказал я, пнув рыжего в бок, – тебя тоже касается, – это я добавил вертлявому, – будешь рыпаться, замочу. Ну нам же легче, не надо на дохтура тратиться. А теперь надо от улик избавиться.

И я кликнул апостолов и Лёху.

– Значит вы двое берёте этого рыжего под мышки, а ты, Лёха вместе с этим мужиком – длинного, и тащите их к реке. Я контролирую, всё ясно?

Река длинная, ночь тёмная, подумал я, так что к утру все концы полностью в воду спрячутся.

– Эй, – окликнул я вертлявого Прохора, – ты по жизни-то чем занимаешься?

Прохор как-то затруднился с ответом, минуту размышлял, потом ответил, что ничем походу он не занимается, если раздобудет, что пожрать, к вечеру, уже хорошо.

– Мы тут банду организуем, – сообщил ему я, – предлагаю вступить в наши ряды... а то у нас пацаны одни, нужен хотя бы один старший... ну чтобы представлять нас на тёрках и базарах, к пацанам-то сам знаешь, какое отношение бывает...

– А что за банда, чем заняться хотите? – начал уточнять Прохор.

– Хотим стать самой крутой организованной преступной группой (ОПГ значит сокращённо) для начала на ярмарке, а там как бог даст. Пока, сам видишь, нас четверо, ты, если согласишься, пятым будешь. Завтра планируем для начала приодеться, деньги на это у нас есть...

– Какие деньги? – вступил в разговор Пашка-апостол.

– Потом расскажу, – сказал я ему и продолжил, – а потом, когда приоденемся, встречаются-то у нас в основном по одежке, начнём действовать по согласованному плану...

– Что за план? – это Прохор уже задал вопрос.

– Есть небольшие зацепки на Гребнях, какие уж, не скажу, с Гребней и начнём... ну что ответишь на наше предложение?

Прохор надолго задумался, а потом выдал из себя:

– Согласен, чо... ребятишки вы резкие и безбашенные, вон как шустро Кота с Жердью завалили... (вон, значит, как их звали-то, подумал я, рыжего с длинным), давай попробуем... а револьвер мне дадите? Я смотрю, вы все тут с ними ходите, с револьверами...

– Не сразу, – резко ответил я, – покажешь себя в деле, тогда и рассмотрим вопрос, а пока давайте спать что ли, до утра ещё далеко... да, ты жрать-то хочешь? – спросил я у Прохора.

– Ясное дело, не откажусь... если дадите, – ответил я.

Я отдал ему, что осталось у нас после ужина, он захрустел луковицей, запивая её водой из котелка, а мне пришла в голову следующая мысль.

– У нас тут у всех погоняла уже есть, а у тебя пока нет – непорядок. Прохор не пойдёт... может сам себе что-нибудь выберешь?

Тот подумал и сообщил, что Щука подойдёт, его так в детстве звали. Ну Щука так Щука, согласился я.

—

Утром есть у нас было совсем нечего, вчера последние крошки Щука доел, так что сначала пришлось решать вопрос с пропитанием.

– Лёха, пойдёшь со Щукой на базар, купи там пожрать чего-нито, подешевле и побольше, вот тебе полтинник, – и я отдал ему один александровский полтинник с профилем царя.

– Стой, тормози, – вспомнил я ещё один нерешённый вопрос, – какой щас год-то идёт?

Брат пояснил Щуке, что я память потерял после удара молнией, тот лишних вопросов задавать не стал, а только сказал, что одна тыща девятисотый год на дворе стоит, и добавил, что июль месяц, хотя об этом его и не спрашивали. Ну хотя бы какая-то ясность, уныло подумал я, глядя в спины удаляющимся подельникам.

Следующие полчаса я пытался вытащить из памяти всё, что помнил про эту долбаную ярмарку и этот грёбанный 1900-й год, последний в девятнадцатом веке, дальше двадцатый пойдёт, будь он неладен. Вытащилось не очень много... в основном то, что перенесли это дело сюда из-под Макарьевского монастыря где-то в начале 19 века. Расцвет был в середине этого же века, когда проложили сначала Николаевскую, а потом и Нижегородскую железные дороги, а основными товарами здесь были китайский чай, среднеазиатский хлопок и уральское железо. Обороты были бешеные, до 300 млн тогдашних рублей, которые надо бы умножить на тысячу-полторы, если переводить в цены 21 века.

Ярмарка эта состоит из двух частей, первая на Гребнёвских песках, без изысков, тупо склады, цистерны и подъездные жд пути, вторая на левом берегу Оки, это с изысками. Центр расположен в так называемом Главном Ярмарочном доме, красивенькое такое здание с финтифлюшками в стиле ГУМа, там конторы всех главных действующих лиц расположены. На Стрелке собор Александра Невского, за главным домом Спасский собор, обе здоровенные дуры площадью под гектар. Слева, справа и сзади главного дома торговые ряды, дохрена их тут, больше сотни строений, выделяются из них конечно китайские своими кривыми крышами. И еще полукруглый Бетанкуровский канал, огибающий всё это дело полумесяцем и впадающий в ту же Оку.

В период работы ярмарки сюда приезжает до 250 тысяч народу, это при том, что население всего Нижнего Новгорода меньше 40 тысяч... ну примерно как в Сочи или Ялту в наше время, там тоже раз в пять-шесть летом народу больше. Основные игроки – это уже упомянутые промышленники Бугров-Башкиров-Блинов и банкир Рукавишников, все старообрядцы естественно (они тогда держали шишку в России, как сейчас к примеру евреи). Монополии ни по одной отрасли ни у кого нет, бизнес очень расплён и рассредоточен.

Теперь культура и подпольные виды деятельности... есть театр на Большой Покровской, и там даже иногда поёт Шаляпин и дают «Севильского цирюльника» с «Риголетто», но, как вы наверно и сами догадываетесь, простому народу это даром не упёрлось, простой народ предпочитает простые и доступные развлечения – кино там, кукольные представления, цирк и продажную любовь. Всё это имеется в достаточном количестве, на Нижегородской улице (сейчас

это Советская вдоль Оки) и на Самокатной площади в Гордеевке. Преступность тоже имеется конечно, где большие скопления народа, там и кражи, а уж проституток-то крышевать сам бог велел. Но организованной эту преступность назвать затруднительно

Теперь контролирующие органы, а если попросту, то полиция – она тут, оказывается, имеется двух видов, обычная и сыскная (и не будем забывать про политическую, сиречь жан-дармерию). У обычной и методы работы обычные, гласные, тогда как сыскная полиция действовала в основном через сеть тайных осведомителей, ну то есть сексотов. Причём достаточно эффективно действовала, раскрываемость по её ведомству до 90% доходила.

Какие в основном совершались преступления в городе и на ярмарке? Тяжёлых типа убийств и разбоев – очень немного. В основном мошенничества и кражи были. Спаивали купчиков, а имущество умыкали, вот и вся технология. Причём начиналось это дело ещё на подъездах, в поездах и на пароходах, но жаловаться пострадавшие шли в Нижегородскую полицию, значит все это на них повисало. На толкучках и рынках работали щипачи, аккуратно вытаскивали наличные у крестьян в основном, в притонах разводили более богатую публику, подмешивали в спиртное снотворное или ещё чего, вот и все преступления. Ещё небольшая доля приходилась на фальшивомонетничество и контрабанду... но это уже была элита преступного мира и было их совсем чуть.

Ладно, что-то я заболтался, а вот уже возвращаются брательник со Щукой, у каждого за спиной по торбе, плотно чем-то набитой.

– Ну показывайте, что принесли, – сказал я, а они тут же расчехлили поклажу и там оказалось аж пять краюх ржаного хлеба, по одной видимо на едока, с десятков картофелин и луковиц и четыре крупных судака, видно, что только что выловлены.

– И что, в полтинник всё это влезло? – с удивлением спросил я.

– Ну да, даже три копейки осталось, – с гордостью ответил Лёха и тут же перевёл разговор в практическую плоскость, – надо уху сварить.

Надо так надо – по ухе я специалист никакой, так что уступил дорогу брату со Щукой, они быстренько всё и сварганили в котелке. Воду из ручейка взяли, тут из откоса они текут через каждые сто метров. Получилось так вкусно, что съели мы всё про всё буквально за десять минут.

– Хорошо, но мало, – довольный сказал брат.

– Работать надо, тогда будет много, – заметил ему я, – а мы идём на Гребни... хотя нет, сначала приодеться бы надо, а то с такими оборванцами никто дела иметь не станет.

– Я знаю место, где можно одеться недорого, – встрял Щука.

– Недорого это сколько? – уточнил я.

– Ну... – задумался он, – если рубаху, портки и сапоги, то трёшница на рыло выйдет.

– Идёт, – ответил я, – но сначала одеваем нас с братом и тебя, а вы (я обернулся к апостолам) пока подождёте, деньги надо экономить.

И мы прошли через всю Благовещенку, а потом и Рождественку почти к самому ночлежному дому имени Бугрова.

– Здесь, – сказал наконец Щука, заворачивая в овраг перед Зеленским съездом, – базар, называется Балчуг, тут всё дешёво и сердито, только руки держите поближе к деньгам, запросто выгащить могут.

Балчуг это на древнерусском значит топь или болото, автоматически пронеслось в моей голове, но вслух я совсем другое сказал:

– Деньги я покараулю, а ты давай показывай, где тут одежкой торгуют, а то с краю одни куры да поросята...

Да уж, чего-чего, а мелко крестьянской живности тут хоть отбавляй было, кроме кур с поросятами, имелись также и утки, и гуси, и телята с козами, даже живых зайцев в одном

месте продавали, и всё это вместе взятое кудахтало, гоготало, визжало и мемекало. А венчала всю эту животноводческую пирамиду пара индеек – народ крестился, глядя на них, а потом резко отпрыгивал в стороны, непривычные русскому глазу создания, согласен... но мясо у них конечно вкусное.

А мы тем временем втянулись в людской круговорот и потихоньку начали пробиваться от продовольственных к хозяйственным рядам – добрались и до одежды. Торгующих было много, но выбор не сказать, чтобы поражал воображение, рубахи были или ситцевые, в цветочек или в горошек, или льняные тупо белые, или шелковые красные, но эти очень дорогие, мы них даже и смотреть не стали.

– Мне белые нравятся, – тихо сказал я Щуке.

– Вишь, какое дело, – задумчиво ответил он, – белое у нас только на похороны надевают, траурный это цвет...

– А ситцевые уж больно развесёлые, – отвечал я, – как на свадьбу... а ты что думаешь? – спросил я молчавшего Лёху.

– А мне всё нравится, – сказал он, включил глаза в режим горения, – любая лучше, чем то, в чём мы щас-то ходим.

– И то верно, – задумался я.

Некоторые рубахи были с орнаментом, вышитые наверно – я к таким даже не подходил, наверняка надбавка за этот орнамент вдвое, если не втрое. И наконец я увидел красные рубашки, пощупал – нет, не шёлк, обычный лён.

– Берём это, если недорого, – шепнул я Щуке, а сам завёл учёный разговор с продавцом, бородатым и усатым крестьянином средних лет.

Оказалось, они сами красят полотно, каким-то подмаренником, собирают во поле рядом с деревней, размачивают его в чанах, а потом туда же и ткань кладут на пару дней. Получается конечно не ахти как здорово, не промышленная окраска, но если издали смотреть, почти что однородный цвет. У него же и портки из того же льна были, некрашенные. Щука сторговался на три пары того и другого за шесть целковых, по-моему недорого.

– А теперь сапоги ещё у нас остались, – весело сказал Лёха, примеряя обновку (он хотел выкинуть старую одежду, но рачительный Щука не дал – собрал всё в свою торбу, мол пригодится в хозяйстве).

У меня в мозгу опять пронеслись остатки филологического образования, целых два курса в универе оттянул – «сапог» древнеславянское слово, произошедшее по всей вероятности от болгарского «сабаг», что значит «обувь с голенищем», второй вариант от тюркского «сап», рукоятка, стебель. Вид обуви с высоким голенищем.

Сапожно-обувные ряды чуть подалее были, почти у Лыковой дамбы. Цены мне сразу не понравились – хромовые сапоги со стандартным голенищем чуть ниже колен меньше, чем за тройак, никто не уступал. Денег из подземелья уже не хватало на такие сокровища.

– А подешевле и попроще ничего нет? – спросил я Щуку.

– Как не быть, – хитро усмехнулся он, – лапти вон за рупь, сколько хошь...

Лапти меня не устраивали категорически.

– А сапоги без голенищ бывают? Наверно всё дешевле будет, чем с голенищами.

Щука пожал плечами с сказал, что наверно есть и такое чудо, надо поискать. Походили-поискали и в самом дальнем углу рынка, представьте себе, обнаружили – почти что боты, но кожаные, с приличной подошвой. За пятёрку продавец нам уступил три штуки такого чуда. Лёха сначала кривился, а потом походил-попрыгал и сказал, что пойдёт, особенно если штанами сверху прикрыть, так и не видно, что они без голенищ-то. Так вот и приоделись мы за одиннадцать целковых рублей... посчитал в уме – остаётся у нас на жизнь два с половиной... а, ещё же крест есть, но это уж на потом оставим.

– А сейчас мы на Гребни идём, территорию метить, а то недоглядишь – Чижик опять там свои порядки начнёт устанавливать, – скомандовал я и мы выбрались из рыночной толчеи на относительный простор улицы Рождественской.

– О, гля-ка, – тут же дёрнул меня за рукав Лёха, – Спиридон Михалыч собственной персоной.

И показал пальцем на крепкого довольно мужчину, одетого в шёлковую рубашу и чёрный картуз, тот с важным видом стоял возле входа в заведение с названием «Трактирь Рукомойникова» и беседовал ещё с двумя похожего вида гражданами.

– Какой Спиридон? – попытался вспомнить я и не вспомнил.

– Целовальник Спиридон, ну, – нетерпеливо ответил Лёха, – который нас из нашего же дома выгнал за долги.

– Вспомнил, – ответил я, – на ловца, как говорится, и зверь бежит. Вот этого зверя мы и будем сегодня вечером загонять куда следует... а сейчас у нас в программе Гребни.

И мы пересекли речку по плашкоутному мосту, на этот раз в виде разнообразия по большому, где ходили электрические трамваи. Время уже за полдень перевалило, поэтому народу здесь было не протолкнуться. И трамваи в обе стороны довольно часто проезжали, отчаянно трезвоня своими дребезжащими звонками. Это я не говорю уж о гужевом транспорте разных типов и степеней комфорта, этого добра здесь было так же много, как снега в Сибири.

Сошли с моста на Гребнёвских песках, тут если направо пойти, они сразу и заканчиваются, немного не доходя до Стрелки (слияния Оки с Волгой), мы туда и не пошли, а повернули налево, в гущу сараев, складов, ангаров и деревянных строений, придумать названия которым у меня не получилось. Это были, как я понял, хранилища оптовиков – сами контракты заключались в основном в Главном ярмарочном доме, в торговых рядах, ну или в ресторанах вокруг них, а физический товар во исполнение этих контрактов потом отгружался отсюда либо на баржи (которых тут ой, как немало причалено было, половину реки перегородили), либо в вагоны, которые утаскивали на Московский вокзал маневровые паровозики, либо на телегиповозки, это если уж совсем мелкий опт работал.

Простора для криминального бизнеса я тут почти что никакого не увидел, если только стащить что-то такое, что с воза упадёт, да и то вряд ли – попробуй утащи чугунную чушку в сотню кило весом. Или тюк с чаем в три пуда. Хотя в тюке можно дырочку просверлить и отсыпать оттуда потихоньку, но это сложно, всё же на виду, всё контролируется не одним контролёром, а как бы тремя сразу. Остаётся что... воровство из карманов да попрошайничество... много бабла, короче говоря, с этой земли не поднимешь, тоскливо думал я, глядя на подшефную территорию, надо на левый берег перебираться, там побогаче урожай должен быть.

Поделился этими соображениями с подельниками, Лёха ничего не сказал, а Щука посмотрел на меня с уважением, но ответил, что для начала хорошо бы с твоим Чижиком разобраться, а то до левого берега можно просто не добраться, по дороге по ножуку в спину каждый получит.

– Да, ты прав, – задумчиво ответил я, высматривая вчерашних пацанчиков, должны же они здесь где-то крутиться, время-то самое рабочее.

И высмотрел на свою беду Ваньку Чижика, он неожиданно вывернулся из-за угла очередного деревянного сарая, один, без сопровождающих.

– Здорово, Санёк, – сказал он мне без всяких эмоций, – ты, я смотрю, приделся – денжат где-то поднял что ли?

– И тебе не хворать, Чижик. Я теперь Потап, а не Санька, а у тебя как дела?

– Дела как сажа бела, – отшутился он, – с тобой важные люди поговорить хотят.

– Да ты чо? – удивился я, – а что за люди, о чём поговорить хотят?

– Сёма Шнырь и Боря Ножик, знаешь таких?

Я глянул на Шуку, тот моргнул мне в ответ, мол есть такие.

– Ну слышал, и что дальше? – продолжил я диалог с Чижиком.

– А то, что стрелку они тебе забивают сегодня вечером... на Стрелке, за твой беспредел а Гребнях спросят, так что готовься. Не придёшь, тебя сминусуют сразу, и жизни тебе на ярмарке более не будет.

– Интересно, – задумался я, – стрелка на Стрелке... ну где ж ещё её забивать-то, если вдуматься.

Чижик ничего не понял и просто стоял в ожидании моего ответа.

– Лады, я приду... а место и время можешь уточнить, Стрелка большая?

– За соляными рядами в восемь вечера, – уточнил Чижик, развернулся и отбыл туда, откуда появился пять минут назад.

– Ну что скажете, друганы? – спросил я у друганов.

– Попал ты, Потап, – сморщившись, ответил Шука, – ой как попал, Шнырь с Ножиком это ж два центровых бандита с ярмарки, я про них много чего слышал, но от встречи бог уберёт. Душегубцы они, люди говорят, им человека зарезать, как высморкаться...

– Это мы ещё посмотрим, кто кого зарежет, – бодро ответил я, хотя кошки на душе меня заскребли отчаянно, сразу две штуки, большие и чёрные. – Делать здесь, как я посмотрю, больше нечего, пошли готовиться к стрелке... и Спиридона проведем, до восьми часов времени ещё много...

Апостолы были убиты нашим обновлённым внешним видом – долго кружили вокруг каждого, щупали материю и кожу на сапогах, потом старший из них, Петька вроде, решил на предьяву:

– А нам когда такое справите?

– Потерпите, пацаны, – честно признался я им, – денег в обрез осталось, вот разживёмся, у вас не хуже всё заиграет.

Младший апостол надулся и ушёл вглубь дома, а старший встретил мои пояснения с пониманием.

– Как тут ваще дела-то? – продолжил я, – никто не заявлялся, ничего не случилось?

– Тихо всё было, – ответил тот, – а у вас чё нового?

– У нас стрелка с большими людьми с ярмарки. Вечером, за соляными складами. Все пойдём, вы готовьтесь. Теперь вот что – зови сюда Петюню, я инструктаж проводить буду.

– Чего проводить? – не понял Пашка.

– Расскажу, как действовать и говорить, если вдруг что... – туманно ответил я, Петька вернулся, весь надутый, но выслушал мою речь с достаточным вниманием.

– Значит так, пацаны... и мужики, – добавил я, глядя на Шуку, – мы теперь будем называться «Первая образцовая ярмарочная коммуна»... – и услышал сразу три вопроса:

– Почему первая? – от Лёхи, – Что такое коммуна? – от Петьки и – Что за образцы мы тут делать будем? – от Пашки.

Отвечать начал с конца.

– Делают изразцы, а образец это пример для подражания. Коммуна это от французского слова «община» – форма совместной жизни людей, у которых всё общее. А первая... ну просто не было такого раньше... по крайней мере на ярмарке точно не было. Это ясно или ещё пояснения нужны.

Пояснений больше никто не потребовал и я продолжил.

– Все решения сообща принимать будем, большинством голосов. Если голоса поровну разделятся, то мой решающий – есть возражения? Хорошо, что нет. Чем мы будем заниматься... днём что мы будем делать, это я ещё не до конца продумал, на днях расскажу... что-

нито общественно-значимое, а ночью будем устанавливать свои порядки на ярмарке. Оружие я у всех вас отбираю, оно будет храниться в потайном месте, выдаваться строго на дело. Теперь полиция и власти... наверняка они нами заинтересуются, и очень скоро... говорить с ними я буду, вы молчите или болтайте что-нибудь несерьёзное, пусть они вас лучше за дурачков принимают.

Пацаны молчали, переваривая сказанное, а я тем временем продолжил:

– Программа на сегодня – у Щуки будет особое задание, сейчас расскажу ему лично, я с Лёхой иду тереть базар со Спиридоном, а вы двое остаётесь на хозяйстве до семи вечера. Потом все впятером выдвигаемся на Стрелку к соляным складам беседовать с двумя важными персонами, Шнырем и Ножиком. Детали расскажу ближе к делу. Всё понятно? Ну тогда отойдём в сторонку, – это я уже Щуке сказал.

Тихонько прошептал ему на ухо инструкции, повторил два раза для надёжности, он кивнул наконец, задал один уточняющий вопрос и скрылся в направлении левого берега. А мы с Лёхой отправились на свидание с целовальником Спиридоном.

– А чё ты ему скажешь? – допытывался по дороге брат, – он же вона какой, богатый да здоровый... или револьвером сразу грозить начнёшь?

– Понимаешь, братуха, – попытался объяснить я ему, – в Америке один умный человек недавно сказал, что добрым словом и пистолетом можно сделать вдвое больше дел, чем одним добрым словом. И я с ним согласен... надо совмещать эти два способа убеждения, а не по отдельности их использовать, тогда всё должно у нас получиться.

– Да что должно получиться-то? – не унимался брат.

– А вот на месте и узнаешь, так я тебе сразу и вывалил все подробности, – усмехнулся я, отпрыгивая от очередного трезвонящего в спину трамвая. – Разъездились тут, ироды, – беззлбно обругал я ни в чём не виноватое транспортное средство.

Приблизились к искомому «Трактиру Рукомойникова»... я ещё подумал, что ему больше пошло бы название «Трактир Рукожопникова»...

– Чё, сразу туда пойдём? – спросил Лёшка, – половой же взашей выгонит, туда таким мальчикам, как мы, дорога заказана.

– Не, внутрь мы наверно погодим идти, – ответил я, – давай подождём, пока он наружу высунется.

Ждать пришлось довольно долго, я уже исходил кругами всю эту улицу Рождественскую в районе трактира и изучил все афиши, наклеенные на круглые тумбы. Уяснил между делом, что на гастроли к нам скоро приезжает Московский художественный театр, ещё без приставки «академический», и давать он собирается тут «Чайку» сочинителя Чехова А.П. Также в начале августа запланированы концерты Шаляпина, а ближе к сентябрю в цирк на Самокатной площади приезжает всемирно знаменитый борец Иван Поддубный. Любопытная тут театрально-концертная программа.

Наконец-то на порог своего заведения вышел Спиридон, важно отставил ногу в сторону, вытащил кисет с табаком и начал его нюхать, а затем чихать на всю улицу. Пора с ним познакомиться, подумал я, оставил Лёшку возле афишной тумбы и двинулся через проезжую часть напрямиком к трактиру.

Подошёл к Спиридону вплотную, на полметра (или сейчас надо говорить пол-аршина что ли?) и посмотрел ему прямо в выкаченные мутные глазки.

– Чё надо? – недовольно спросил он, – иди, куда шёл!

– Не узнаёшь меня, Спиридон? – спокойно спросил я.

– Мало вас тут таких шляется, всех узнавать чтоб, – пробурчал недовольно он, но некие проблески в его мутных глазках я таки заметил.

– Я Саня Потапов из Благовещенки, – продолжил тем временем я, – ты нас с брательником из дому выгнал, когда матушка померла.

Узнал ведь, теперь точно узнал он меня, я это понял по некоторой суетливости, с которой он спрятал руки за спину.

– Ну и чё дальше? – спросил он уже без всякого выражения.

– А дальше, дорогой Спиридон Михалыч, то, что пришла пора долги отдавать.

– Ты чет попутал, малец, долги это у тебя были, ты их мне и отдал, мы теперь в полном расчёте.

– А я вот так не думаю, – сказал ему я и предложил отойти в сторонку: – Здесь больнолюдно, зачем нужно, чтоб наши разговоры чужие слушали?

Тот немного подумал и согласился, кивнув головой в сторону соседней арки – на Рождественской полно глухих дворов, проходных и не очень, вот в один из этих дворов арка и вела. Он впереди пошёл, я за ним... во дворе этом дрова лежали поленницей выше моего роста вдвое, да еще мохнатая и кудлатая собачонка в дальнем углу лежала, греясь на солнце. На нас она никакого внимания не обратила. Я вытащил из-за пояса револьвер и, когда Спиридон обернулся ко мне, ствол смотрел ему прямо в яйца.

– Это ишшо чё такое? – удивлённо спросил он.

– Это, дядя Спиридон, револьвер системы “Наган”, в барабане семь пуль, хочешь убедиться, что они там есть?

– Хочу, – неожиданно ответил целовальник.

– Ну смотри, – пожал я плечами и повернул револьвер дулом к себе и покрутил барабан, продемонстрировав ему начинку. – Убедился? Теперь давай продолжим что ли... ты мне... нам то есть с братом должен короче за наш дом – он много больше стоит, чем мы тебе за лекарства задолжали.

– А ты стрелять-то умеешь? – вдруг поинтересовался он.

– А ты сомневаешься? – разозлился вдруг я, – ну смотри.

И я выстрелом сшиб чурбачок, который сверху на поленнице почему-то стоял.

– Убедился? Следующая пуля твоя будет... для начала в ногу.

– А не боишься полиции, пацан?

– Есть немного, – не стал отпираться я, – но разборки с полицией уже потом начнутся, пуля быстрее до тебя долетит.

– Ладно, – наконец сдался он, – скока ты хочешь?

Странно, подумал я, что-то он слишком быстро согласился, даже ничего сделать не попытался, пистолет например у меня отобрать...

– Пятьдесят рублей и мы в расчёте.

– Хорошо, завтра в это же время сюда подходи, а сейчас я пойду, дела у меня.

– Стой, – тут же сказал я, – только не сюда я подойду.

– А куды же?

– К реке, между вторым и третьим дебаркадерами (там почти километр пустого берега, засаду никуда не спрячешь).

– Лады.

– И это, – добавил я, – на будущее тебе предлагаю взаимовыгодное сотрудничество.

– Это как? – заинтересовался он, – чем ты можешь быть мне полезен, пацан?

– У тебя же есть какие-то проблемы...

– Чего? – не понял он, – что за проблемы?

– Ну затруднения в работе... к примеру самогонщики по соседству точняком же имеются, а у них водка наверняка дешевле...

– Это ты верно заметил, есть самогонщики, и убыток от них немалый.

– Вот я... мы то есть с братом и с этим вот наганом с ними можем разобраться, так что убытки быстро перейдут в прибыли например...

– Можно подумать, – согласился Спиридон.

– Опять же и другие твои мелкие неприятности мы можем на себя взять...

– И что ты хочешь взамен?

– Я тут посчитал утречком – оборот у твоей лавки в районе 200-250 рублей в день, с этого ты имеешь... ну пусть пятую часть, 40-50 рублей, в месяц пусть полторы тыщи рублей будет чистой прибыли. 10 процентов с этого будет справедливой оплатой нашего скромного труда... но учитывая трудности начального периода нашего сотрудничества, согласен на сотенную в месяц.

– Ты ишшо и арифметику знаешь? – удивился Спиридон.

– В этих пределах да, знаю.

– Я подумаю... завтра поговорим, – и он удалился через арку.

Я тоже ждать не стал, вдруг он полицию кликнет, и очень быстрым шагом убежал к Лёхе.

– Ну как прошло-то? – нетерпеливо спросил брат.

– Всё путём, – спокойно ответил я, – за дом он нам николашку обещал отдать... ну пият рублей то есть, а насчет дальнейшего потом ещё поговорим, он подумает.

– Здорово! – обрадовался брат, – заживём таперича.

– Ты погоди радоваться-то, – осадил его я, – раньше времени. У нас теперь на кону разговорчик с местными авторитетами...

– С кем, с кем? – не понял брат.

– Со Шнырём и Ножиком, пошли готовиться.

—

Задание, которое я дал Щуке, было очень простым – нанять на час-два автомобиль, на котором мы бы и прибыли на место стрелки. Понты в таких разборках это первое дело, если они пешком придут, а мы на колёсах, у нас же сразу преимущество возникнет, правильно? А для этого я отдал Щуке крест, чтобы он загнал его на базаре, тех двух рублей с полтиной для наёма частного авто явно недостаточно будет, посчитал я.

Крест он загнал за восемь с полтиной, больше никто не давал, сказал, а авто нанял на два часа за пятёрину, и то торговался с шофёром битый час, тот хотел червонец, но в конце концов вошёл в положение. Машина будет ждать нас на ярмарке справа от китайских рядов через час с четвертью.

– И да, ещё одна подробность, – добавил Щука, – сидений в машине только четыре, так что более этого количества он народу взять не может.

Я вздохнул и решил апостолов оставить за скобками выяснения отношений – пусть на хозяйстве пока посидят, а Щука продолжил:

– Наган-то мне выдашь али как?

– Обязательно, – твёрдо ответил я, – прямо перед делом лично тебе в руки передам. Стрелять-то умеешь али как?

Щука заверил меня, что справится. Апостолы опять надулись, как мыши на крупу, когда я им сказал об изменении диспозиции. Ну как смог, успокоил их тем, что впереди ещё много славных дел предстоит, так что будем им, где проявить свою молодецкую удаль. Тем более, что и одёжка на вас пока аховая, а там надо будет пыль в глаза пускать.

Выдвинулись к месту базара ровно в семь, как я и говорил ранее (часов у нас конечно никаких не было, надо, кстати озаботиться будет в ближайшем времени, но тут каждые полчаса пробивали время на главном ярмарочном доме, типа рынды на корабле), авто нас должно было ждать у китайских рядов, как сказал Щука. И действительно ведь ждало – я аж охренел и хотел было сказать «ну и рыдван», но сдержался.

Это был, если верить табличке на кузове «Даймлер-Моторен-Гезелшафт», произведённый, как вы наверно уже догадались, компанией Даймлер, ещё без приставки Бенц, в городе Штутгарте. Да в принципе для нижегородских бандитов пойдёт и такой рыдван, подумал я. Вокруг него вертелось, конечно дело, толпа малолетних детишек, а их лениво отгонял в разные стороны шофёр, тощий, усатый, длинный и весь закутанный в кожу... напомнил мне Козлевича в исполнении дяди Боярского из известного фильма. Шука тут же подошёл к нему и пошептал что-то на ухо, тот с удивлением воззрился на нас с Лёхой, но сказать ничего не сказал, а только кивнул нам в сторону задних сидений, а сам уселся на водительское место (оно кстати справа было – большинство первых автомобилей почему-то праворульками делали). Рядом с ним с важным видом уселся Шука, мы залезли назад, Лёха при этом весь извертелся и испрыгался на мягких диванных подушках, и тронулись в наш недолгий путь, непрерывно гудя клаксоном.

Так я и не спросил, как его зовут-то, подумал я, прыгая на ямах и ухабах ярмарочного булыжника, ладно, пусть Козлевичем побудет. Прокатили мимо главного плашкоутного моста, углубились в сеть рядов и павильонов Стрелки – тут почему-то в основном постоянные дворы были и парикмахерские.

– А теперь куда? – наконец-то нарушил своё молчание Козлевич.

– Огибай церковь справа, – важно отвечал ему Шука, – там проезд будет, по нему ещё чуть и останавливайся.

Водитель так и сделал, дорога тут уже перешла из булыжного состояния в грунтовое, колеи, слава богу, не было, ввиду полного отсутствия большегрузов. Через двести примерно метров слева потянулись сумрачного вида амбары, очевидно те самые соляные ряды, а справа осталось с десятков метров до берега Волги.

– Стой, – скомандовал Шука Козлевичу и добавил для нас с Лёхой, – выходим, вон они нас ждут.

И он показал на двух вполне приличного вида мужиков, которые стояли у дальнего конца складов и лениво отгоняли мух.

– Давай пистолет, – нетерпеливо добавил Шука, – потом поздно будет.

– Держи, – пожал плечами я, доставая второй наган из-за пояса, – он без самовзвода, надо курок каждый раз на себя отщёлкивать.

– Да знаю я, пользовался таким, – сказал он, осторожно принимая в руки наган. – Пойдём, ты впереди давай, а мы за тобой.

– Держитесь уступом, – проинструктировал их я, – один чуть ближе, другой чуть дальше. А ты, – обратился я уже к шофёру, – сиди и никуда не дёргайся, у нас тут дела минут на десять-пятнадцать, потом вернёмся, откуда стартовали.

Мужики с дальнего конца складов тем временем смотрели на наше прибытие, открыв рты – видимо сумел я их пронять этим автомобилем. Приблизились к ним на пять-шесть метров, тогда я сказал:

– Здорово живёте, граждане бандиты. Зачем звали, рассказывайте...

А дальше произошло то, что я, в общем и целом, с самого начала подозревал – сзади послышался щелчок взведённого курка и голос Шуки:

– Я их обоих на мушке держу, ребята – ты, Санёк, и ты, Лёха, кидайте свои пистолы под ноги, а то хуже будет!

Я медленно повернулся назад:

– А я тебя ещё вчера подозревать начал, Шука. Когда ты очень револьвер себе захотел.

И я сделал шаг к нему.

– Не подходи, замочу! – заорал он во весь голос и протянул дуло нагана ко мне, хотя, казалось, его уже дальше некуда протягивать.

Краем глаза я заметил, что те два мужика смотрели на это представление с большим интересом.

– Давай мочи, а я посмотрю, как у тя духу хватит, – храбро заявил я ему, ничем, впрочем, не рискуя, из патронов, которые у него в барабане сидели, я еще утром высыпал весь порох и вставил пули обратно... на всякий случай.

Руки у Шуки задрожали совсем уже крупной дрожью, но на спусковой крючок он таки сумел нажать. Курок щёлкнул, но ничего не произошло. Он снова взвёл курок и опять спустил его, опять пшик.

– Ну чё, замочил, дурень? – спросил я, отбирая у него наган, – теперь тебя бы по уму замочить надо за предательство, но руки неохота марать. Скидывай одёжку, которую мы тебе на наши деньги купили.

Он быстро разделся, я скомандовал Лёхе подобрать вещи.

– И остаток денег давай, который от наёма остался.

Он вытащил по-прежнему дрожащими руками горстку серебра и меди из кармана натальной рубахи и передал её мне.

– А теперь пшёл вон, чтоб я тебя больше не видел – увижу, замочу, второго шанса у тебя не будет.

Шука не стал дожидаться повторного приглашения и припустил назад к собору, только пятки замелькали. А я повернулся и зашагал к тем двум бандитам, на ходу засовывая наган за пояс, а неудобно-то как с двумя револьверами ходить, кто бы мог подумать.

– Приношу извинения за непредвиденную задержку, господа, – начал я свою речь, – сейчас она устранена, и мы можем продолжить нашу беседу. Со всем вниманием слушаю вас.

Тот, который выглядел постарше и повыше ростом, отклеился наконец от стены склада и подошел ко мне на дистанцию, с которой удобно было бы разговаривать.

– Я Боря Ножик, а он Сёма Шнырь, слышал про таких?

– Ну как не слышать, – осторожно ответил я, – вы люди уважаемые и известные.

– Вчера ты не делу наехал на нашего положенца Чижика, теперь ответ держи.

– Ваш Чижик беспредельничал на Гребнях, у честных пацанов последнюю краюху отбирал, поэтому заслужил он по полной, граждане бандиты. Так что наехал я на него очень по делу. А вот вы и точно беспределом занялись, Шуку вон ко мне подослали шпионить – это разве дело?

Мужики переглянулись и продолжил уже второй:

– Пацанчик ты резкий, как мы поглядим, так что мы даём тебе возможность исправиться – если за неделю на Гребнях восстановишь старый порядок, отдаём это место тебе в кормление.

– И ещё Благовешенку с Рождественской, – нагло добавил я.

Они переглянулись, старший кивнул головой.

– Лады, и это тоже.

– У меня только один вопросик остался, господа воры – старый порядок это сколько в деньгах и кому их отдавать?

– Сотенная в неделю, – ответил Шнырь, – мои люди тебя сами найдут, так что не кипишись раньше времени.

– Договорились, – коротко ответил я и повернулся на каблуках, у моих ботов даже маленькие каблуки были.

Но перед уходом я всё же добавил этим двум: – Шуку своего только уберите от греха подальше куда-нито, а то я за себя не ручаюсь.

Лёха от возбуждения аж на полметра от земли подпрыгивал, ожидая окончания нашего разговора.

– Ну как там, ну чё там, договорились?

– Поехали, по дороге расскажу, – ответил я, забираясь в автомобиль. – У нас ещё оплаченное время осталось? – спросил я у Козлевича.

Тот поднёс у глазам наручные часы и ответил, что полчаса ещё имеется.

– Тогда поехали через мост в Благовещенку, – распорядился я.

Козлевич просигналил зачем-то клаксоном и мы покатались сначала по ухабам, а потом по бульжникам ярмарки. Когда заехали на плашкоутный мост, распугав гужевой транспорт, важный и толстый городской отдал нам честь – Лёха сиял и был на седьмом небе от радости. Я тихонько передал ему на ухо предложения бандитов, он, по-моему, не совсем всё понял, но кивал головой непрерывно. Благовещенка была поражена современным видом транспорта, кажется такие механизмы сюда пока не заезжали... или бывали, но крайне редко. До самого нашего жилища мы не добрались, там совсем никудышняя дорога начиналась за Башкировской мельницей, так что за апостолами я послал Лёху. А потом попросил водителя прокатить их до моста и назад, тот ответил, что только до моста, время заканчивается, хорошо, согласился я, назад сам прибегут. И они втроём с Лёхой ещё раз прокатились по правому берегу реки, счастливые до такой степени, что дальше некуда.

А когда они вернулись, я вкратце посвятил и их в результаты стрелки, а также и про Щуку поведал...

– Так он значит не щукой был, а карасём? – спросил Пашка.

– Выходит, что так... и даже не карасём, а просто крысой... вот, одежду с него снял – надо её на вас как-то поделить, – сказал я, доставая рубаху, штаны и сапоги.

Делёжка оказалась длительной и безрезультатной, апостолы за малым не набили друг другу морды, так что я через четверть часа сказал «брек» и забрал всю одежду себе.

– Всё равно она вам велика, будет запасной для меня, а вам мы завтра новую купим. Как только со Спиридошей разберёмся... Лёха, ты помнишь, что у нас завтра дело к нему есть?

Лёха всё помнил.

– Ну тогда давайте пожрём что ли ченть, а то у меня брюхо подвело.

Я послал обоих апостолов с копейками, которые мне Щука отдал, прикупить еду, а потом мы на скорую руку соорудили ужин. Без разносолов, но сытный. После чего Лёха неожиданно мне заявил:

– Слушай, братан, а давай почитаем бумаги, что в той коробочке были... ты же умеешь читать, и я тоже, с трудом правда. Вдруг что-то полезное для себя узнаем?

И я с ним согласился, совсем ведь забыл в этой суете последних двух дней про коробку из-под ландрина. Лёха приволок её с чердака, он туда эту коробку на всякий случай запрятал, открыл, вытащил бумажки, их всего четыре оказалось, и разложил их на столе в горнице.

– Таааак... – протянул я, изучая документы, – вот эти две долговые расписки с купцов... неразборчиво написано... наверно Огородников и Швецов их звали... даты... позапрошлогодние... думаю, это нам точно не пригодится, не найдём мы никаких Огородниковых, а если вдруг чудом каким-то и обнаружим, они от всего отопрутся.

– А ещё две бумажки ведь остались, – жалобным голосом сказал брат, ему очень хотелось, чтобы его идея оказалась бесполезной.

– Ещё две... – повторил я, переворачивая их и просматривая на свет. – Вот эта совсем испорченная, в воде наверно побывала, так что её сразу на выброс, а эта похожа на карту...

Брат взял в руки эту последнюю бумагу и долго глядывался в неё, потом посмотрел на обратную сторону и ничего там не увидел.

– Похоже на карту, да, – согласился он в конце концов.

Апостолы тоже закивали головами, точняк карта, а Пашка даже добавил, что вроде б на ней наш город изображён, точнее даже Благовещенская слобода, в которой мы сейчас проживаем, и окрестности этой слободы. Да я и сам это отчётливо увидел.

– Так, странное направление только у этой карты, юг сверху, север снизу, давай-ка перевернём её вот так... щас совсем всё понятно стало – вот плашкоутный мост, вот Стрелка, вот мельница Башкирова, прямо с нами, а ниже правый берег Оки, Дятловы горы то есть...

– А это что за крестики? – спросил Лёха.

Я их давно уже увидел, два жирных крестика на карте, ждал, когда ещё кто-нибудь про них скажет, и вот дождался.

– Один крестик почти рядом с нашим домом, метров... ну то есть аршин сто-двести вверх по течению и чуть выше по склону... а второй далеко, километра... ну то есть версты две вдоль берега... там ручеёк обозначен. Ну чё, пацаны, какие будут мнения?

– А чё тут думать-то, – авторитетно заявил Пашка-апостол, – клады там разбойники зарыли и крестиками поместили, чтоб не забыть.

– А пойдём и посмотрим на первый, он тут совсем рядом, – предложил я и все дружно согласились.

Вчетвером и вывалились из дому, причём я лопату прихватил, тут в овине нашлась такая, древняя на вид, но вполне работоспособная. Идти было недалеко, минуты две-три – в том месте, помеченном на карте, должен был идти небольшой овражек, наверно здесь когда-то что-то типа речки или ручья текло, а потом пересохло, но русло вот осталось.

– Покажь ещё раз карту, – попросил возбуждённый Лёха.

Я достал и развернул карту, он посмотрел на неё очень внимательно, потом на овраг, потом уверенно заявил:

– Здесь копать надо, – и топнул ногой по небольшому холмику посреди оврага.

– Ну раз ты такой умный, – ответил я, – то на тебе лопату и начинай, а мы посмотрим.

Лопата была упаси бог, не металлическая, такие в этом времени дорого стоят и на дороге не валяются – деревянная она была, выдолбленная из бревна. Но на конце заострённая, так что в землю втыкалась без сверхусилий. Лёха взял её в руки, потряс зачем-то, потом начал работать... утомился он очень быстро, и пяти минут не прошло, за это время успел выкопать ровчик в метр длиной и по полметра в ширину и глубину. Земля была глинистая, подавалась так себе. Затем Лёха вылез из выкопанной ямы и сказал:

– У нас же коммуна, всё общее, так что и яма должны общими усилиями копать, – и всучил лопату мне.

Я же с сомнением посмотрел на неё и ответил вот что:

– Наганы из того подземелья совсем новые, им год-два от роду, а это значит что?

– Что? – эхом откликнулся брат.

– А то, что спрятали их не позже, чем два года назад. А раз карта с пометками там же была, делаем ввод, что и остальные клады они закопали где-то два... не позднее, чем три года назад. А это значит, что земля в месте захоронки должна просесть – никогда не видел могилы на второй-третий год? Короче на месте клада не бугорок, а ямка должна быть, а значит место ты выбрал не то.

– А чёж раньше молчал-то? – с обидой высказался брат, – зачем я зазря столько земли выкопал.

– А чтоб поучить тебя, дурака, – ответил я, – и чтоб поперёд батьки в пекло не лез, как хохлы говорят.

– Ну и где надо копать по-твоему? – продолжил Лёха.

– Я думаю, что где-то вон там, ближе к склону, – и я показал на две провалины чуть дальше, – на одном из этих двух мест.

– Раз ты такой умный, теперь твоя очередь, – оплатил мне братуха той же монетой и всучил в руки лопату, а я не стал отказываться.

Первую ямку я откопал сравнительно быстро – больше метра в глубину, и ничего-то там не было.

– А ещё в советчики лезешь, – злорадно сказал Лёха, – ладно, вылезай, пусть теперь апостолы поработают.

Первым из них вызвался Пашка, потом его сменил Петька, и когда глубина ямы перевалила за метр, лопата ударила во что-то металлическое... ну может и каменное конечно, но твёрдое.

– Кажись есть что-то, – возбуждённым шёпотом сказал Петька, выпрыгивая из ямы, – я боюсь, давай ты лучше, – подтолкнул он меня.

– А чего бояться-то? – недоумённо спросил я.

– Да разное про эти клады сказывали, – ответил он, – что их охраняют души тех, кто их зарыл, вот чё люди говорят...

– Ну давай сюда лопату, – сказал я ему, – я в эти сказки не верю...

И я полез в яму смотреть, что там такое звякнуло – оказалось, что сундук, честное слово. Чтобы откопать его верхнюю крышку до состояния свободного доступа, у меня битых полчаса ушло. Все остальные в это время смотрели сверху, высунув от нетерпения языки.

– Вот, – сказал я, подцепив заступом лопаты крышку и откинув её в сторону, – клад походу... посмотрим, чего они сюда засунули.

Сундук, как ни странно, оказался полон каких-то тряпок, одежда там была, богатая, может даже царская, но одежда – вот какой смысл прятать в земле эту хрень? Перерыл весь сундук до дна, больше там ничего не нашлось. И одежда-то была местами рваная и в бурых пятнах, от крови поди.

– Не, ребята, голый вассер – нет тут больше ничего, – в сердцах сказал я, когда все остальные тоже основательно порылись в найденном, – толку с этого барахла, как с козла молока.

– Ты погоди, – рассудительно сказал вдруг Пашка, – это тоже загнать можно, если постараться. К тому же на этом вот платье, – и он вытащил женское одеяние в кружевах, – есть какие-то украшения, их отдельно продадим. Но много с этого конечно не выручишь.

А ночью у меня случился довольно странный сон, будто опять мы копаем яму, отыскивая клад, а когда докопали до сундука, оттуда выплыла светящаяся и бултыхающаяся в воздухе в виде разбойного вида мужика с ножиком в руке. Пацаны с визгом разбегаются в стороны, а я сижу на краю выкопанного, парализованный от страха.

– Знаешь, кто я? – говорит фигура, колыхаясь в ночном мареве.

– Ннет, откуда? – вопросом на вопрос отвечаю я, заикаясь от страха.

– Я Афанасий Сулейка, атаман шайки разбойников, – с гордостью тогда поясняет мне оно, – это ты мои пистолеты и драгоценности выкопал.

– Понял, – коротко отвечаю я, – а дальше что скажешь?

– Дальше я скажу, что зря ты это всё присвоил, не твоё оно...

– А чьё? – решаю уточнить я.

– Моё, – коротко уточняет тот, – я его закопал, а не ты.

– Но ведь ты же некоторым образом неживой, – говорю я, – зачем тебе на том свете пистолеты с драгоценностями.

– Ты даже не представляешь, что может иногда понадобиться на том свете... короче так – раз уж ты выкопал два моих клада, ладно, распоряжайся ими как хочешь, но за третьим даже и думать не думай, сунешься, мало не покажется. Понял?

– Как не понять, – отвечаю я и на всякий случай повторяю его команду, как в армии, – эти два могу использовать, а про третий даже и думать забуду, а не то хуже будет.

– Молодец, сообразительный, – хвалит меня атаман, – ну я пошёл.

И он утекает обратно в раскоп, но неожиданно приостанавливается.

– Да, вспомнил, что ещё сказать хотел – на завтрашнюю встречу со Спиридоном револьверы не бери. И вообще лучше бы ты на неё не ходил, но ты ведь всё равно пойдёшь, так иди пустой. На этом прощай, Саня, – и он окончательно растворяется в ночном воздухе.

Проснулся я, короче говоря, в холодном поту и с криком. Лёха тоже разбудился от этого крика и недоумённо спросил меня:

– Ты чё, Санёк, или приснилось чего?

– Да, Лёха, приснилось... ты спи давай, а я пойду в речке ополоснусь.

—

На встречу с целовальником Спиридоном я, как мне настоятельно посоветовали ночью, ничего с собой не взял. Даже Лёху дома оставил, пусть обед сготовит... ну после того, как украшения с одежды загонит, это я им всем троим поручил. А сам, значит, почистил свои полусапоги, их здесь дёгтем чистят в смеси с чем-то ещё, надел шукину рубаху, она поновее и пооднороднее моей выглядела и выдвинулся к месту randevu с супостатом.

Берег Волги ниже Кремля, там где он в Печорские пески переходит, был относительно необжит ярмарочным народным хозяйством. Нет, и тут конечно баржи парковали в начале лета, но к концу июля месяца тут практически свободно было, один песочек с выброшенным на берег плавником, да ещё два дебаркадера с номерами два и три, с них отчаливали прогулочные суда до Городца и Макария. Посмотрел направо-налево, никого не увидел, прошёлся от одного дебаркадера до другого, потом присел на бревно – нравятся мне такие, прошедшие длительную обкатку в речной воде, они становятся гладкими и белёсыми.

Сижу, значит, как майская роза, и жду Спиридошу с бабками. Полчаса жду, три четверти часа – нету никого. Кинул что ли трактирщик поганый? Ан нет, появился вдруг Спиридон, спустился с набережной, где просёлочная дорога шла в слободу Подновье. Подходит ко мне, за спиной мешок болтается.

– Ну здравствуй, Саня, – говорит он мне, озираясь тем временем по сторонам.

Это мне активно не понравилось, не иначе на хвосте кого-то привёл, подумал я, но ответил спокойно:

– И тебе не хворать, Спиридон. Я походу сейчас Потапом зовусь. Как здоровье, как семья, как торговля идёт?

Про семью это я для подковки спросил, не было у него отродясь никакой семьи, её же кормить и одевать надо, будет это делать такой скряга, как он.

– Благодарствуй, всё неплохо, – степенно отвечал он. – Я вот принёс, о чём мы договаривались вчера.

И он вытащил из заплечного мешка завёрнутый в тряпицу свёрток.

– А чего такой большой-то? – спросил я, – медными деньгами что ли собрал?

Но ответить он ничего не успел, потому что из-за ближайшей лодки, лежавшей неподалёку в перевёрнутом состоянии, вдруг возникли двое в форме местной полиции. И оба быстро переместились к нам.

– Так-так-так, – сказал видимо старший из них, – и что это тут происходит, господа хорошие?

– Вот этот, – немедленно выпалил Спиридон, – вымогает у меня деньги, угрожая ливольвертом. Заряженным. Вот.

– Поднимите руки, молодой человек, – обратился ко мне этот старший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.